

*Посвящаю Бобу и моим родителям.
Они знали почему*

Ценность жизни не в том, сколько прожито, но как. Можно долго жить и мало преуспеть. Удовлетворение книгой жизни зависит не от ее величины, а от воли человека.

Мишель Монтень. Опыты

У меня сердце мужчины, а не женщины, и я ничего не боюсь.

Елизавета I, королева Англии

Часть первая
ДОЛИНА
1968

Роет ногою землю и восхищается
силою; идет навстречу оружию.

Книга Иова, 39, 21

Глава 1

Эмма Харт выглянула в иллюминатор: частный реактивный лайнер «Лир», принадлежащий американской нефтяной корпорации «Сайтекс», с трудом вырвавшись из кучевых облаков, узкой полоской прочерчивал небо, такое пронзительно голубое, что на него было больно смотреть. Слепленная на миг, Эмма отвернулась от окна и, откинувшись затылком на спинку кресла, закрыла глаза. Какое-то время, даже с закрытыми глазами, она еще продолжала чувствовать эту сияющую голубизну. Именно в этот момент Эмму охватила такая острая тоска по дому, что от неожиданности у нее перехватило дыхание. Да ведь это же небо с картины Тернера, что висит над камином в верхней гостиной Пеннистон-Роул, — весеннее йоркширское небо, запечатленное в ту пору, когда ветер гонит туман с болот.

Едва заметная улыбка, смягчающая обычно твердую линию рта, заиграла на ее губах, стоило ей только вспомнить об имении в Йоркшире. Ей всегда казалось, будто огромный дом, расположенный посреди пустынных и мрачных болот, был создан некоей высшей силой, а не простым смертным архитектором. По существу, это место было единственным в этом сумасшедшем мире, где она находила утешение и силы, чтобы жить дальше. Ее дом. Как давно она не была там — почти полтора месяца, а для нее это огромный срок. Но ничего, на следующей неделе она возвращается в Лондон, так что к кон-

цу месяца можно будет поехать на север, в Пеннистон. Вновь успокоиться, погрузиться в тишину, увидеть свои сады и своих внуков.

Настроение у Эммы сразу улучшилось, она впервые за последние несколько дней расслабилась и откинулась на спинку сиденья: все ее тревоги, казалось, улетучились. Вздых облегчения, смешанного с усталостью, вырвался из ее груди. Она действительно смертельно устала за эти несколько дней бесконечных баталий на заседаниях правления в штаб-квартире «Сайтекса» в Одессе, поэтому с невероятным облегчением думала сейчас о предстоящем приезде в свой относительно спокойный нью-йоркский офис. Не то чтобы Техас ей не нравился. На самом деле она любила этот огромный штат за то, что в его грубой и небрежной мощи она улавливала сходство с ее любимым Йоркширом. Но эта последняя поездка ее просто вымотала. «Должно быть, — с горечью подумала Эмма, — я становлюсь уже староватой для таких путешествий». Впрочем, она тут же отвергла это предположение как недостойное. Эмма явно пыталась хитрить, а хитрить сама с собой она не привыкла. В конечном счете честность помогает экономить время. К тому же, если быть до конца откровенным, она отнюдь не чувствовала себя старой. Конечно, иногда сказывается усталость, но что особенно утомляет, так это необходимость общаться с дураками — с тем же Гарри Мэрриотом, президентом их корпорации, человеком к тому же опасным, как и все дураки.

Эмма открыла глаза и выпрямилась: мысли снова вернулись к делам, она могла не есть, не спать и не думать ни о чем другом, кроме своих гигантских предприятий и той прибыли, которую они давали. Положив ногу на ногу, распрямив плечи, словом, приняв свою обычную деловую позу, она вновь стала сосредоточенной и величественно неприступной. В посадке головы чувствовалась властность, она же угадывалась во всей

ее статной фигуре; зеленые глаза, холодные, как сталь, излучали огромную силу. Привычным жестом маленькой сильной руки она поправила изящно уложенные серебристые волосы, хотя, по правде говоря, в этом не было никакой нужды, так безукоризненно выглядела, по обыкновению, ее прическа. Как, впрочем, и она сама — в элегантном шерстяном костюме простого покроя, чья строгость несколько смягчалась молочной белизной восхитительного жемчужного ожерелья и роскошной изумрудной брошью, приколотой возле плеча.

Бросив взгляд на сидевшую напротив внучку, Эмма убедилась, что та с большим усердием расписывала деловые встречи на предстоящую неделю в Нью-Йорке. «Наверно, слишком уж я ее эксплуатирую, — подумалось Эмме. — Что-то у нее сегодня утром измученный вид». На мгновение она даже ощутила несвойственные ей угрызения совести, но тут же взяла себя в руки. «Ничего, — решила она, — девушка молодая, выдержит. Зато где она еще пройдет такую школу?»

— Ты не попросишь этого молодого человека — кажется, стюарда зовут Джон? — сварить кофе? Пожалуйста, Пола! Сегодня утром он нужен мне, как никогда, — обратилась она к внучке.

Пола оторвалась от блокнота и взглянула на бабушку. Да, подумала та, красивой в общепринятом смысле слова ее не назовешь, но от девушки исходит такая потрясающая жизненная сила, что это делает ее чертовски привлекательной, чему немало способствует и ее природная яркость. Блестящие иссиня-черные волосы уложены валиком вокруг головы: росшие мысиком на лбу, они оттеняли лицо такой сияющей чистоты и матовой белизны, что оно казалось высеченным из мрамора. Лицо было продолговатым, с выступающими скулами, лоб широкий, глаза — выразительные и живые, подбородок волевой, как у самой Эммы, но самым

необыкновенным в этом лице были именно глаза — большие, умные, темно-синие, как васильки, почти фиолетовые.

— Как ты скажешь, — с приветливой готовностью отозвалась внучка. — Да я и сама не против.

Она встала и пошла к двери — высокая, стройная, грациозная. «Пожалуй, на мой вкус, немного худа», — отметила про себя Эмма. Впрочем, так было всегда: видно, такая уж конституция. В детстве Пола напоминала длинноногого жеребенка — сейчас превратилась в поджарую скаковую лошадку. Обычно суровое лицо Эммы осветила улыбка, в которой читалась и любовь к внучке, и гордость за нее; глаза, глядевшие вслед Поле, неожиданно потеплели. Это была ее любимица, так же как и Дейзи, мать Пола и одна из Эмминых дочерей.

Многие ее мечты и надежды были связаны с этой девочкой. Еще когда Пола была совсем маленькой, она сильно привязалась к бабушке, не по годам проявляя интерес к ее делам. Больше всего на свете она любила бывать в бабушкином офисе — просто сидела и смотрела, как та работает. Будучи подростком, она продемонстрировала столь потрясающее понимание самых запутанных финансовых операций, что Эмма была просто поражена: ничего подобного она не наблюдала ни у одного из своих собственных детей, не слишком разбиравшихся в семейном бизнесе. Втайне Эмма, конечно, ликовала, но предпочитала не торопиться с выводами, опасаясь, что это девичье увлечение может в один прекрасный день улетучиться. Но этого не случилось. Как только Поле стукнуло шестнадцать, она заявила, что начинает работать вместе с бабушкой, решительно отказавшись от того, чтобы завершить образование в одной из частных школ Швейцарии. На работе Эмма была просто безжалостна по отношению к любимой внучке: подобной строгости она не проявляла ни к кому из своих сотрудников. Она стремилась

к тому, чтобы Пола досконально изучила все, что касалось компании «Харт энтерпрайзиз».

Сейчас внучке было уже двадцать три — и по своему уму, способностям и зрелости суждений она настолько превосходила большинство своих сверстниц, что Эмма недавно предложила ей довольно ответственный пост в своей компании. К великому изумлению и раздражению старшего сына Эммы Кита, служащего компании, Пола стала ее личным помощником. В качестве доверенного лица и правой руки Эммы Пола была в курсе почти всех дел — как относившихся к деятельности компании, так и ее собственных. Когда было необходимо, Эмма советовалась с внучкой и по семейным делам, что особенно выводило Кита из себя.

Пола вернулась из маленькой кухоньки, весело смеясь.

— Представляешь, — сказала она усаживаясь, — этот стюард как раз заваривал для тебя чай. Наверняка, как и все другие, считает, что раз англичане, значит, пьют только чай. Но я сказала, что мы предпочитаем кофе. Правильно, бабушка?

Эмма рассеянно кивнула: мысли ее были далеко.

— Умница, правильно сделала, — вынув из лежавшего на соседнем сиденье портфеля очки и множество папок, она протянула одну из них Поле. — Погляди, пожалуйста, на цифры финансового отчета. Это наш нью-йоркский магазин. Мне интересно, что ты об этом думаешь. По-моему, мы семимильными шагами движемся вперед...

Пола тут же внимательно взглянула на нее.

— Так скоро? Это же значительно быстрее, чем ты предполагала? Значит, твои перестановки отлично сработали. Вот и результат. Так и должно быть.

Пола с интересом открыла папку и сразу же углубилась в цифры. Как и Эмма, она обладала изумительным даром мгновенно пробежать весь балансовый отчет, на ходу оценивая как его сильные, так и слабые стороны.